

ДЖУЛИАН
БАРНС

Попугай
Флобера

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Б 25

Julian Barnes
FLAUBERT'S PARROT

Copyright © 1984 by Julian Barnes

Перевод с английского
Александр Борисенко, Виктора Сонькина

Художественное оформление *Андрея Старикова*

Барнс Дж.

Б 25 Попугай Флобера / Джулиан Барнс ; [пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина]. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Букеровский лауреат: Джулиан Барнс).

ISBN 978-5-699-64214-4

Барнс никогда не бывает одинаков — каждая его книга не похожа на остальные. В «Попугае Флобера» он предстает перед нами дотошным исследователем. Предмет его исследования весьма необычен — чучело попугая, якобы стоявшее на столе Гюстава Флобера.

Казалось бы, писатель, изучая биографию собрата по перу, должен сосредоточиться в первую очередь на его творчестве. Барнса же интересует всё — как жил знаменитый создатель «Мадам Бовари», как в его книгах отразились факты его жизни.

Читать «Попугая Флобера» — все равно что пуститься в интереснейшее путешествие, когда каждую минуту вас ждет неожиданное открытие. Здесь как нельзя более уместно процитировать Льва Данилкина: «Дурной тон сравнивать книги со спиртными напитками, но барнсовский роман — конечно, Х.О.: очень хорошая, рассчитанная на неспешное чтение, выдержанная литература».

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

- © А. Борисенко, перевод на русский язык, 2012
- © В. Сонькин, перевод на русский язык, примечания, 2012
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64214-4

Посвящается Пат

Биографию друга надо писать так,
словно ты за него мстишь.

*Флобер. Из письма
к Эрнесту Фейдо, 1872*

Попугай Флобера

Шестеро североафриканцев играют в шары под статуей Флобера. Звонкие удары перекрывают глухой ропот уличной пробки. Коричневая рука посылает вперед серебряную сферу — прощальным, ироничным, ласкающим движением пальцев. Шар приземляется, тяжело подскакивает, прочерчивает борозду в медленно оседающей твердой пыли. Бросающий остается стоять изящной временной статуей: колени не до конца выпрямлены, правая ладонь самозабвенно раскрыта. Закатанные рукава белой рубашки, голая до локтя рука, клякса на запястье. Не часы, как я вначале подумал, не татуировка, а цветная переводная картинка: лицо политика-пророка, которого так уважают в пустыне.

Давайте начнем со статуи: той, что наверху, не временной, не изящной, с бронзовыми дорож-

ками слез, с небрежно повязанным галстуком, в жилете и мешковатых брюках, с отвисшими усами; глядящей холодновато и недоверчиво. Взгляд писателя направлен на юг, от площади Кармелитов к собору, поверх презираемого им города, который был равнодушен к нему в ответ. Голова заносчиво поднята — только голуби могут увидеть его лысину в полном объеме.

Это не та статуя, что была вначале. Немцы забрали первого Флобера в 1941 году, вместе с оградами и дверными молотками. Возможно, его переплавили на кокарды. Лет десять пьедестал стоял пустой. Потом мэр Руана, большой любитель памятников, обнаружил гипсовую форму — сделанную русским скульптором по имени Леопольд Бернштам, — и городской совет одобрил отливку новой статуи. Руан приобрел солидный металлический памятник — 93 процента меди, 7 процентов олова: литейная фирма Рюдье из Шатийон-су-Баньё заверяет, что такой сплав — гарантия против ржавчины. Два других города, Трувиль и Барантен, внесли в проект свою лепту и получили каменные статуи. Эти оказались менее прочными. В Трувиле Флоберу пришлось подлатать бедра, и кончики усов у него отвалились, так что из бетонных обломков над верхней губой, словно прутья, торчат куски проволочного каркаса.

Может быть, литейщики не врут, может быть, эта вторая статуя окажется долговечной. Но я не

вижу особых оснований для такой уверенности. Ничто, имевшее отношение к Флоберу, не отличалось долговечностью. Он умер немногим более ста лет назад, и все, что осталось от него, — это бумага. Бумага, идеи, фразы, метафоры, чеканная проза, готовая зазвучать. Это, кстати, именно то, чего он сам бы и хотел; сентиментальные жалобы — удел его почитателей. Дом писателя в Круассе снесли вскоре после его смерти, и на его месте построили фабрику, где извлекают спирт из подпорченной пшеницы. Не так уж трудно избавиться и от его изображения: если один мэр, любитель статуй, смог поставить памятник, другой — к примеру, какой-нибудь партийный начетчик, который знает о Флобере только то, чего нахватался из Сартра, — может с тем же рвением его убрать.

Я начал с памятника, поскольку именно с него началось мое паломничество. Почему литература заставляет нас преследовать литератора? Почему мы не можем оставить его в покое? Разве книг недостаточно? Флобер хотел, чтобы было достаточно: мало кто из писателей так верил в объективную реальность текста и незначительность личности автора; и все-таки мы упрямо ищем эту личность. Образ, лицо, подпись; статуя из девяноста трех процентов меди и фотография Надара; лоскут одежды, прядь волос. Отчего нас так тянет к реликвиям? Разве мы недостаточно верим словам? Или приметы прожитой жизни со-

держат в себе какую-то дополнительную правду? Когда умер Роберт Льюис Стивенсон, его предприимчивая шотландская няня начала понемногу продавать волосы, которые она якобы срезала с головы писателя за сорок лет до того. Верящие, ищущие, идущие по следу купили столько этих волос, что их хватило бы для набивки дивана.

Я решил отложить Круассе на потом. Я приехал в Руан на пять дней, и детский инстинкт подсказывал оставить лучшее на десерт. Не этот ли импульс иногда руководит писателями? Подожди, подожди, лучшее еще впереди? Если так, то как же мучительно-дразнящи неоконченные книги. Две такие сразу приходят на ум: «Бувар и Пекюше», где Флобер хотел объять и покорить весь мир, со всеми человеческими стремлениями и неудачами; и «Идиот в семье», где Сартр хотел объять всего Флобера, объять и покорить главного писателя, главного буржуа, стихию, врага, пророка. Инсульт прервал первый из двух проектов, слепота положила конец второму.

Когда-то я сам хотел написать книгу. У меня были идеи, я даже делал заметки. Но я работал врачом, у меня были жена и дети. Хорошо можно делать только что-то одно: Флобер знал это. Я был хорошим врачом. Моя жена... умерла. Мои дети разлетелись; они пишут мне, когда их замучает совесть. У них своя жизнь, это естественно. «Жизнь! Жизнь! Главное — чтоб стояло!» — прочитал я на днях у Флобера. От этого восклицания

я почувствовал себя каменной статуей с залатанным бедром.

Ненаписанные книги? Не стоит о них жалеть. На свете и так слишком много книг. Кроме того, я помню конец «Воспитания чувств». Фредерик и его друг Делорье оглядываются на прожитую жизнь. Их лучшее воспоминание — о том, как они еще школьниками пришли в бордель. Они тщательно планировали визит, специально завивали волосы и даже наворовали цветов для девочек. Но когда они пришли в бордель, Фредерик струсил, и оба убежали. Это был лучший день в их жизни. Флобер заставляет нас задаться вопросом: разве ожидание удовольствия — не самое надежное из удовольствий? К чему карабкаться на безрадостный чердак свершения?

Я провел первый день, бродя по Руану, пытаюсь узнать тот город, по которому прошел в 1944 году. Конечно, тогда многие районы были разрушены бомбами и снарядами, да и сейчас, через сорок лет, собор все еще ремонтируется. Не очень-то мне удалось раскрасить свои монохромные воспоминания. На следующий день я поехал на запад, в сторону Кана, а потом на север — к побережью. Следуешь советам обшарпанных оловянных указателей, которые установило *Ministère des Travaux Publics et des Transports*. Вот сюда — к *Circuit des Plages de Débarquement*: туристический маршрут по местам боевой славы. К востоку от Арроманша — пляжи, куда высадились британские и канадские

войска: Голд, Джуно, Сорд. Не слишком звучные имена; гораздо менее запоминающиеся, чем Омаха или Юта. Если, конечно, считать, что события запоминаются благодаря словам, а не наоборот.

Грей-сюр-Мер, Курсель-сюр-Мер, Вер-сюр-Мер, Анель, Арроманш. По крошечным переулкам неожиданно приходишь до *Place des Royal Engineers* или *Place W. Churchill*. Ржавые танки несут караул у пляжных домиков; бетонные монументы, вроде корабельных труб, провозглашают по-английски и по-французски: «Здесь 6 июня 1944 года благодаря героизму союзников была освобождена Европа». Здесь тихое место, совсем не зловещее. В Арроманше я бросил две однофранковые монетки в *Télescope Panoramique (Très Puissant 15/60 Longue Durée)*, чтобы проследить изгиб морзянки Малбери-харбор далеко в море. Точка, тире, тире, тире — бетонные кессоны торчат из водной глади. Сейчас эти квадратные обломки войны захвачены бакланами.

Я пообедал в *Hôtel de la Marine* с видом на гавань. Здесь, совсем близко, погибли мои друзья — те годы принесли с собой неожиданные дружбы, — и все-таки я оставался равнодушен. Пятидесятая бронетанковая дивизия, Вторая британская армия. Из укрытия выползли воспоминания, но не эмоции; не было даже воспоминаний об эмоциях. После обеда я пошел в музей и посмотрел фильм о десанте, потом проехал девять километров до Байе, чтобы отдать дань другому

десанту, пересекавшему Ла-Манш девятью веками ранее. Гобелен королевы Матильды как горизонтальное кино — кадры идут впритык друг к другу. Оба события кажутся одинаково неправдоподобными: одно слишком отдаленное, чтобы быть правдой, другое слишком знакомое, чтобы быть правдой. Как удержать прошлое? Возможно ли это вообще? Когда я был студентом-медиком, на танцах в конце семестра какие-то шутники запустили в зал поросенка, обмазанного жиром. Он проскальзывал между ногами, выворачивался из рук, истошно визжал. Люди падали, пытаюсь поймать его, и выглядели при этом довольно глупо. Прошлое часто ведет себя как этот поросенок.

На третий день в Руане я отправился в Отель-Дьё — больницу, в которой отец Флобера был главным хирургом и где прошло детство писателя. Путь туда пролегает по авеню Гюстава Флобера, мимо типографии «Флобер» и закускойной «Ле Флобер» — заблудиться мудрено. У больницы припаркован большой белый хетчбэк «Пежо», весь в синих звездах, с номером телефона и надписью *AMBULANCE FLAUBERT*. Писатель как целитель? Едва ли. Вспоминается, как Жорж Санд по-матерински упрекнула младшего коллегу: «Ты даришь опустошение, — писала она, — а я — утешение». Надо было написать на «Пежо» *AMBULANCE GEORGE SAND*.

В Отель-Дьё меня встретил вертлявый худой *gardien* — неожиданно в белом халате. Он явно не

был ни врачом, ни фармацевтом, ни крикетным судьей. Белые одежды предполагают стерильность и чистоту суждений. Зачем они музейному зрителю? Чтобы защитить от микробов детство Флобера? Он объяснил, что музей отчасти посвящен Флоберу, а отчасти — истории медицины, а затем торопливо провел меня по залам, с шумной деловитостью запирая за нами двери. Мне показали комнату, где родился Флобер, флакон из-под его одеколона, его табакерку, его первую журнальную статью. Разнообразные изображения писателя демонстрировали разительную перемену, которую претерпел милостивый юноша, превратившись в рыхлого лысеющего буржуа. Одни говорят — сифилис. Обычное для XIX века старение, возражают другие. А может быть, его тело обладало чувством такта: как только дух объявил, что безвременно состарился, плоть тут же подстроилась. Я все время напоминаю себе, что волосы у него были светлые — на фотографиях все кажутся брюнетами.

В других комнатах выставлены медицинские инструменты XVIII и XIX веков — тяжелые металлические реликвии с заостренными краями, клизмы такого размера, что даже я прихожу в недоумение. Медицина в те времена, должно быть, была делом дерзким, безнадежным, кровавым; это теперь все пилюли да бюрократия. Или просто прошлое всегда колоритнее настоящего? Я изучал в свое время докторскую диссертацию брата Гюстава, Ашиля. Она называлась «Некоторые

соображения по поводу операции на ущемленной грыже». Братская параллель — диссертация Ашиля стала метафорой Гюстава: «Сквозь идиотизм моей эпохи я чувствую волны ненависти, которая меня душит. Она выплескивается дерьмом мне в рот, как при ущемленной грыже. Но я хочу сохранить, удержать, укрепить ее. Я сделаю из нее пасту и вымажу девятнадцатый век, как покрывают навозом индийские пагоды».

Соединение этих двух музеев вначале кажется странным. Однако оно наполнилось смыслом, когда я вспомнил знаменитую карикатуру Лемо, где Флобер препарирует Эмму Бовари. Писатель держит на длинной вилке кровоточащее сердце, которое он с триумфом вырвал из груди героини. Он демонстрирует этот орган, словно уникальный хирургический экспонат, а слева на картинке чуть видны ноги лежащей на столе истерзанной Эммы. Писатель-мясник, чувствительная скотина.

Потом я увидел попугая. Он сидел в маленькой нише, ярко-зеленый, востроглазый, любознательно склонив голову набок. Надпись на его насесте гласила: «*Psittacus*. Этого попугая Флобер позаимствовал в Музее Руана и держал на своем письменном столе во время написания «Простой души», где его зовут Лулу и он принадлежит Фелисите, главной героине произведения». Изложенные факты подтверждаются ксерокопией письма Флобера: попугай, пишет он, провел на его столе три недели, и вид птицы уже начал его раздражать.